

«КРИВЫЕ ЗЕРКАЛА» БИБЛИОМЕТРИИ И НАУКОМЕТРИИ

И.А. КРЫЛОВА

В XXI в. состояние научного потенциала общества является одним из показателей его мощи и степени модернизации. Ныне в мире формируется четыре главных центра научного прогресса: США (35% мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности); Евросоюз (24%); Япония и Китай (примерно по 12%). Российская Федерация в группу лидеров не входит. На нашу страну приходится менее 2% мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности и 1% по обменному курсу.

Таким образом, Россия отстает от США по расходам на НИОКР в 17 раз, от Евросоюза в 12 раз, от Китая в 6,4 раза, от Индии в 1,5 раза¹. В большинстве развитых стран наука (наряду с образованием) объявлена высшим приоритетом государства. В передовых странах доля расходов на развитие науки и техники весьма высока, в отличие от России. В этом смысле показателен пример Китая, фантастический рывок которого по показателям научной продуктивности (НП) объясняется в первую очередь огромными государственными инвестициями в фундаментальную науку. «В прошлом десятилетии КНР вышла на третье место в мире по расходам на НИОКР, в ближайшее время она вытеснит Японию со второго места, а в 2020-е гг. сравняется с США. По количеству научных публикаций (120 тыс. в 2008 г.) Китай уже занимает второе место»². В КНР в 2006 г. были приняты две программы: «Государственная программа долгосрочного и среднесрочного планирования развития науки и техники в 2006 – 2020 гг.» и «Программа планирования повышения качества науки в стране в 2006 – 2020 гг.» В случае их реализации к 2020 г. Китай сможет войти в ряды стран с экономикой инновационного типа. К этому году «доля стоимости научно-исследовательских и опытных конструкторских работ (НИОКР) должна составить 2,5% ВВП Китая и по этому показателю КНР должна выйти на уровень развитых стран мира»³.

В России снижение научной продуктивности (НП) связано с резким падением внимания государства к науке и ее недостаточным (по международным меркам) финансированием. Очевидно, что место нашей страны в мировом экономическом сообществе в значительной степени зависит от состояния российской науки, которая способна создать необходимые условия для преодоления технологического отставания от развитых стран и перевода экономики на инновационный путь развития. Для этого требуется ускоренное развитие научного потенциала страны, который в большей мере сконцентрирован в Российской академии наук. Для перехода к инновационной

экономике, основанной на знаниях, возрастает значение научных исследований и их использования. Поэтому во всех ведущих странах рост инвестиций в научные исследования и разработки требует оценки их эффективности. В апреле 2009 г. Правительством РФ было принято Постановление «Об оценке результативности деятельности научных организаций». Поэтому одним из последствий реформирования фундаментальной науки, и в частности РАН, должно стать использование количественных показателей для оценки научной деятельности институтов, лабораторий и отдельных ученых.

Взросший интерес к объективным оценкам состояния науки и ее вклада в развитие современного общества объясняется тем, что от их адекватности в значительной мере зависит уровень финансирования науки. Естественно, что рост инвестиций в научные исследования и разработки требует объективной оценки их эффективности. Одним из современных средств, которые используются для оценки развития науки, является библиографическая информация. В качестве показателей научной продуктивности (НП) используются следующие библиометрические данные: количество публикаций; индекс цитируемости (частота появления автора в литературных источниках); импакт-фактор (ИФ) научных журналов.

При оценке продуктивности отечественной науки следует учитывать, что существует две системы распространения знаний — международная и внутренняя. Под международной системой подразумевается публикация статьи в зарубежном или отечественном журнале, включенном в англоязычные информационные системы.

Для сбора библиометрической статистики используются, во-первых, информационные ресурсы компании Thomson Scientific «Паутины науки» — Web of Science (WOS), которая «содержит более 12000 журналов и включает в себя следующие базы данных: Science Citation Index Expanded (журналы по естественным наукам), Social Sciences Citation Index (журналы по общественным наукам), Arts and Humanities Citation Index (журналы по искусству и гуманитарным наукам), Conference Proceedings Citation Index (первый — материалы научных конференций по естественным, второй — по общественным и гуманитарным наукам) и Book Citation Index (также две базы — книги по естественным и книги по общественным и гуманитарным наукам)»⁴. База данных (БД) Web of Science является частью информационной платформы «Паутины знаний» — Web of Knowledge (WOK), на которой доступны различные базы данных по цитированию.

К сожалению, WOS — международная система оценки научных публикаций и цитирования учитывает практически только англоязычные рецензируемые журналы, из которых «от 25 до 40% (в разных дисциплинах по-разному) издается в США и от 20 до 40% — в Англии»⁵. Это негативно отражается на показателях научных работ

на других языках: испанском, итальянском, японском, китайском, корейском и, особенно, русском. Кроме того, в WOS практически не учитываются другие виды научной продукции: индивидуальные и коллективные монографии, статьи в сборниках, тезисы и доклады в материалах конференций, препринты и пр., которые представляют весомый вклад ученых как в национальную, так и в мировую науку. Оценивается лишь 108 наименований отечественных научных журналов. При этом для подсчетов по общественным и гуманитарным наукам WOS использует 670 научных журналов. Из них на русском языке — два журнала по истории («Вопросы истории», «Отечественная история»), один по социологии («СОЦИС»), один по философии («Вопросы философии») и ни одного по экономике⁶. Очевидно, что зарубежные наукометрические показатели, касающиеся России, не могут быть объективными. Особенно это касается социогуманитарных наук. Например, в Институте философии РАН за год публикуется примерно 120 индивидуальных и коллективных монографий и более 1500 статей, из которых около 60 — 80 — зарубежные публикации⁷. А в базе данных WOS учитывается всего лишь один журнал — «Вопросы философии», в котором публикуется российская философская элита. Неудивительно, что согласно базе данных WOS, «все отечественные философы, вместе взятые, в 2000-е годы публиковали в международных журналах 3 — 4, а социологи — 2 — 3 статьи в год»⁸. Такие же расхождения реальности и баз данных WOS характерны и для других социогуманитарных дисциплин. Например, данные по публикационной активности и цитированию российских политологов также подтверждают «слабую представленность нашей политологии на страницах ведущих мировых научных изданий»⁹. То есть значительная часть научной продукции наших ученых в базе данных WOS просто не учитывается. Приходится констатировать, что большинство наших ведущих философских, политологических, социологических, исторических, экономических и др. журналов, в этой базе данных просто отсутствует. Отсюда — значительное занижение роли России в мировом информационном потоке. Неудивительно, что вклад отечественных ученых в развитие социальных и гуманитарных наук на мировом уровне практически равен нулю.

Кроме того, необходимо принимать во внимание тематический американоцентризм журналов, входящих в базу данных WOS, в которую входит 221 журнал по истории, из них 76 — издаются в США, причем из 76 журналов — 15 посвящены различным аспектам истории США, а 18 — истории отдельных американских штатов или регионов США¹⁰. Естественно, что значительная часть публикаций российских ученых в области социогуманитарных наук не подходит для этих международных изданий, «причем не в силу содержательных недостатков, а вследствие национальных особенностей тематики»¹¹. В таком случае,

о какой адекватной оценке результативности научной деятельности в России в базе данных WOS может идти речь? И можно ли судить об эффективности научной деятельности отечественных ученых по не-объективным иностранным базам данных, недооценивающим вклад российской, не только социогуманитарной, науки в мировую?

Во-вторых, в качестве инструмента сбора библиометрической статистики используется Европейская БД SCOPUS, созданная издательской компанией Elsevier в 2005 г., которая «представляет собой единую мультидисциплинарную реферативную базу научных публикаций без полных текстов... Одной из основных функций является встроенная в поисковую систему информация о цитировании. SCOPUS охватывает свыше 15 тыс. научных журналов от 4 тыс. научных издательств мира, включая порядка 200 российских журналов, 13 млн патентов США, Европы и Японии, материалы научных конференций»¹². Естественно, что в БД SCOPUS научная продуктивность России, особенно по социогуманитарным дисциплинам, также существенно занижена. Бывают и совершенно парадоксальные ситуации. «Анализ статистики по российским журналам по БД SCOPUS за 2006 г. показывает, что 49 отечественных журналов якобы вообще не опубликовали статей. На самом деле эти журналы публиковались»¹³. Другое дело, что в БД SCOPUS они не нашли отражения.

Многие российские ученые указывают на существующие недостатки баз данных WOS и SCOPUS, а также американоцентризм используемых выборок. Поэтому при оценке вклада российского ученого в науку «цитирование в англоязычных, прежде всего американских журналах, вряд ли должно быть главным критерием»¹⁴. Нельзя делать вывод и о низкой продуктивности исследователей, которые не публикуются в международных научных журналах, тем более начислять им зарплату, исходя из этих показателей¹⁵.

Что касается национальной базы данных, по которой можно было бы получить достоверную статистику о количестве опубликованных статей, то в России она только формируется. В 2005 г. Министерство образования и науки РФ подписало контракт с негосударственной компанией «Научная электронная библиотека Elibrary.Ru» на создание российского индекса научного цитирования РИНЦ, основанного на информационно-аналитической системе Science Index. «Ринц — это национальная информационно-аналитическая система, аккумулирующая более 2 млн публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 2000 российских журналов. Она предназначена не только для оперативного обеспечения научных исследований актуальной справочно-библиографической информацией, но является также и мощным инструментом, позволяющим осуществить оценку результативности и эффективности деятельности научно-исследовательских организа-

ций, ученых, научных журналов и т.д. Однако у РИНЦ есть большой недостаток — он не учитывает (пока) цитирования работ наших ученых в зарубежных журналах»¹⁶. РИНЦ основана на информационно-аналитической системе Science Index, которая позволяет «проводить более детальные аналитические исследования и рассчитывать более сложные наукометрические показатели, чем это возможно в базовом интерфейсе РИНЦ»¹⁷.

Однако специалисты считают, что к данным РИНЦ по цитируемости следует относиться чрезвычайно осторожно. Так, в газете «Троицкий вариант» в статье М. Гольфанда сообщается, что по данным РИНЦ «цитируемость нобелевского лауреата академика Ж.И. Алферова в 38 раз (!) ниже, чем по БД WOS»¹⁸. Что говорить о рядовых ученых! Поэтому для адекватной оценки научной продуктивности в стране необходимо создавать национальную базу данных публикаций и цитирования. Такие БД есть во всех индустриально развитых неанглоязычных странах, в том числе в КНР. «У России такой БД нет, несмотря на огромный задел, которым располагает, например, РФФИ. Создание такой БД необходимо не только для контроля за ситуацией в сфере науки, но и для планирования обоснованной государственной экономической политики»¹⁹. Чтобы получить адекватную картину достижений отечественной науки необходимо, прежде всего, организовать сбор статистики о публикациях наших исследователей в российских журналах. Как известно, «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук» ВАК включает ныне в себя 1800 наименований научных изданий, авторитетность которых необходимо повысить путем целенаправленного их продвижения в ведущих международных библиометрических системах.

Вопрос об использовании показателей цитирования для оценки эффективности научных исследований, особенно о цитируемости работ отдельных ученых, является наиболее дискуссионным. «Суммарное цитирование, среднее цитирование одной статьи — принятые в научном мире показатели “значимости” трудов какого-либо ученого представляют собой число ссылок на его публикации в реферируемых научных периодических изданиях»²⁰. Однако сам создатель «указателя цитирования» «Science Citation Index» (SCI) (издаваемый в США с 1963 г.), Ю. Гартфилд предупреждал, что «анализ цитируемости может быть полезным инструментом, но как и любым инструментом — от кувалды до атомного реактора — им можно пользоваться и не по назначению»²¹. По мнению российских ученых, в частности Н.В. Мотрошиловой, «индекс цитирования, взятый из зарубежных подсчетов — дело полезное, обращать на него внимание нужно, но со множеством поправок и коэффициентов. И уж совсем нельзя торопиться с их практическим

внедрением, во всяком случае — в нашей стране, где пока нет своей такой системы. В противном случае, превращая средства в цель, мы можем “наломать дров”, многое загубить, а это неправильно. Особенно неблагоприятным и для науки в целом, и в частности для социогуманитарных дисциплин, было бы превращение индексов цитирования в основание министерских или академических программ»²². И с этим следует согласиться. Необходимо учитывать, что цитируемость статей неанглоязычных авторов гораздо ниже, чем англоязычных, и требуется гораздо больше времени между временем их опубликования и оценкой цитируемости. «Поэтому при использовании показателя цитируемости для оценки эффективности работы индивидуальных исследователей последнее слово должно оставаться за экспертами в соответствующей области знания»²³. Только сообщество экспертов в той или иной области науки может дать объективную оценку научной продуктивности конкретного ученого.

Надо отметить, что цитируемость той или иной публикации связана с импакт-фактором, который оценивает среднюю цитируемость статьи конкретного журнала. «Импакт-фактор (ИФ / IF) численный показатель научного журнала. Расчет импакт-фактора основан на трехлетнем периоде. Например, импакт-фактор журнала в 2011 г. вычисляется следующим образом: $IF\ 2011 = A/B$, где: A — число цитирований в течение 2011 г. отслеживаемых статей, опубликованных в данном журнале в 2009 — 2010 гг.; B — число статей, опубликованных в данном журнале в 2009 — 2010 г.»²⁴ В указателе цитируемости журналов — Journal Citation Report (JCR) содержатся все имеющиеся сведения об импакт-факторах. В университетах США и ЕС при оценке эффективности научной деятельности учитывают ИФ научного журнала, где были опубликованы работы ученого. Однако погоня за ИФ чревата отрицательными последствиями. Например, в странах Евросоюза руководство университетов внимательно следит за публикациями в престижных международных научных журналах с высоким импакт-фактором. «В Нидерландах это привело даже к прекращению выпуска ряда научных журналов по общественным наукам»²⁵. И все из-за массовой фальсификации научных данных.

Наконец, одним из наиболее обсуждаемых показателей, позволяющим быстро «оценить» достижения конкретного ученого, является «Индекс Хирша» (ИХ), который был предложен в 2005 г. американским физиком Дж.У. Хиршем в качестве альтернативы классическому «индексу цитируемости» — суммарному числу ссылок на работы ученого. «Критерий основан на учете числа публикаций исследователя и количества их цитирования. Ученый имеет индекс h , если h из его N статей цитируются как минимум h раз каждая»²⁶. Иначе говоря, «индекс Хирша» вычисляется за определенный период и представляет собой

соотношение между количеством ссылок на группу наиболее цитируемых статей ученого и общим количеством публикаций этой же группы за тот же период времени. Необходимые сведения о величине данного показателя для исследователей, чьи статьи попали в БД WOS или БД SCOPUS, приведены в этих базах данных. Примечательно, что «индекс Хирша» рассчитывается как для отдельных исследователей, так и для той или иной страны в целом. Например, за 1999 – 2006 гг. для США, которые занимают по данному показателю первое место, данный индекс составил 889. Это значит, что 889 публикаций американских исследователей были процитированы за данный период 889 или более раз. Для России «индекс Хирша» за эти же годы был равен 206 (18 место)²⁷.

К сожалению, приоритет одного из показателей научной продуктивности и одностороннее использование количественных показателей приводят к негативным последствиям. В частности, в Китае рынок фальсифицированной научной публикационной активности включает в себя подготовку диссертаций и статей о несуществующих исследованиях, использование обходных путей рецензирования, создание поддельных копий китайских или международных журналов. В 2009 г. он составил «около 12 млн юаней (150 млн долл.), что в 5 раз больше, чем в 2007 г.»²⁸ Приходится констатировать, что подобная практика начинает вводиться и у нас. Так, на сайте одного из российских вузов появилось объявление о том, что автор статьи, опубликованной в 2008 – 2009 гг. в научном журнале за рубежом, будет получать по 40 тыс. руб. в месяц с сентября 2010 г. по сентябрь 2012 г.²⁹

Неудивительно, что отношение отечественных ученых к использованию количественных показателей для оценки научной деятельности неоднозначно. В частности, О.В. Михайлов рассматривает девять показателей, которые так или иначе могут быть приняты во внимание, когда речь заходит об оценке научной деятельности исследователя. Это – степень признания научных заслуг исследователя коллегами; степень приоритетности (важности) научного направления, в которой работает исследователь; уровень финансирования научных изысканий, выполняемых исследователем; уровень практической значимости научных работ исследователя; оценка по общему числу публикаций; оценка по уровню цитирования опубликованных работ исследователя другими специалистами; оценка с учетом должностного положения, занимаемого ученым в научной иерархии; степень контактности исследователя с коллегами; личное участие исследователя в подготовке специалистов высшей квалификации. «Нетрудно заметить, — делает вывод автор, — что из предложенных девяти показателей в качестве базиса для построения методологии объективной оценки качества деятельности отдельного исследователя могут быть использованы лишь два: ассортимент его публикаций и уровень ци-

тирования изданий, в которых они помещены»³⁰. Автор считает, что только они и могут быть приняты в подобной методологии.

По мнению А.Е. Варшавского, В.В. Иванова и В.А. Маркусовой, в нашей стране библиометрические показатели пытаются применить «без учета мнения ведущих ученых экспертов и для оценки состояния всей науки, а не только фундаментальной, как это делается в развитых странах; используется не вся совокупность библиометрических индикаторов, а только показатели цитируемости и индекс Хирша; необходимость реформирования науки объясняют низкими показателями цитируемости отечественных научных работ за рубежом, при этом игнорируется тот факт, что неанглоязычные публикации неизбежно цитируются реже»³¹. Отсюда следует вывод о том, что нельзя получить адекватную оценку результативности научной деятельности в России, пока не будет создана отечественная база данных для сбора библиометрических показателей. Тем более, что вследствие ряда объективных причин в англоязычных информационных ресурсах статистические показатели, отражающие вклад отечественной науки, в том числе РАН, в мировую, оказываются существенно заниженными, в то время как результаты проведенных расчетов в ЦЭМИ РАН свидетельствуют о том, что Россия сохраняет лидирующее положение по ряду важных направлений в области точных наук. А показатели по публикационной активности и по цитируемости работ, в частности, для РАН «соответствуют уровню наиболее развитых стран и значительно превышают показатели для России в целом»³².

Все больше российских ученых подвергает сомнению не только справедливость основанных на библиометрических показателях выводов, но и адекватность самого подхода к количественной оценке научной эффективности как отдельного исследователя, так и вклада национальной науки в мировую. «Надо ли стране, давшей миру первого в истории космонавта и немало других выдающихся научных достижений, убеждать мир в том, что ее ученые на что-то способны? — пишет член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН А.В. Юревич. — Создается впечатление, что это больше нужно политикам, чем научному сообществу»³³. Очевидно, что для отдельного ученого продуктом его работы являются исключительно новые знания (на оценку эффективности в этом смысле направлены библиометрические показатели). Об эффективности национальной науки с государственной точки зрения точнее говорить не о ее вкладе в мировую науку, а о применении новых знаний в хозяйстве страны в самом широком смысле, включая системы государственного управления, образования и культуры. Сопоставление рейтингов стран по трем показателям национального благополучия — ВВП на душу населения, благоприятности для жизни и индексу развития человеческого потенциала, показывает, что «лучше живут не те страны, которые

вносят самый значительный вклад в мировую науку, а те, которые больше получают от нее, то есть наиболее эффективно используют результаты научно-технического прогресса»³⁴.

Поэтому будущее России и благополучие ее граждан вряд ли зависит от количества публикаций в англо-американских журналах. И вряд ли слепое копирование западных подходов поможет в модернизации экономики и инновационном развитии России. Разумеется, это не означает, что не надо интегрироваться к мировую науку, в том числе и посредством публикаций статей в журналах, учитываемых зарубежными базами данных. Однако относиться к ним надо с величайшей осторожностью, поскольку пока они напоминают, по словам Н.В. Мотрошиловой, «систему кривых зеркал»³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Рогов С.М.* Россия должна стать научной сверхдержавой // Вестник РАН. 2010. № 7. С. 579.

² См. там же.

³ *Инновационная политика: Россия и мир. 2002 – 2010.* – М., 2011. С. 364.

⁴ *Савинов Л.В.* Российская политология и ее наукометрические показатели // Политические исследования. 2012. № 3. С. 152.

⁵ *Юревич А.В.* К проблеме оценки вклада российской социогуманитарной науки в мировую // Вестник РАН. 2011. № 7. С. 614.

⁶ См.: *Рогов С.М.* Россия должна стать научной сверхдержавой. С. 581.

⁷ *Крылова И.А.* Невостребованность науки и проблема модернизации России // Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт. – М., 2013. С. 115.

⁸ См.: *Юревич А.В.* К проблеме оценки вклада российской социогуманитарной науки в мировую. С. 613.

⁹ *Савинов Л.В.* Российская политология и ее наукометрические показатели // Полис. 2012. № 3. С. 154.

¹⁰ *Юревич А.В.* К проблеме оценки вклада российской социогуманитарной науки в мировую. С. 615.

¹¹ Там же. С. 618.

¹² Там же. С. 152.

¹³ *Маркусова В.А., Иванов В.В., Варшавский А.Е.* Библиометрические показатели российской науки и РАН // Вестник РАН. 2009. № 6. С. 490.

¹⁴ *Рогов С.М.* Россия должна стать научной сверхдержавой. С. 581.

¹⁵ *Юревич А.В.* К проблеме оценки вклада российской социогуманитарной науки в мировую. С. 617.

¹⁶ *Савинов Л.В.* Российская политология и ее наукометрические показатели. С. 152.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Варшавский А.Е., Иванов В.В., Маркусова В.А.* Об адекватной оценке результативности научной деятельности // Вестник РАН. 2011. № 7. С. 590.

¹⁹ *Маркусова В.А., Иванов В.В., Варшавский А.Е.* Библиометрические показатели российской науки и РАН. С. 490.

²⁰ *Савинов Л.В.* Российская политология и ее наукометрические показатели. С. 151.

²¹ Цит. по: *Варшавский А.Е., Иванов В.В., Маркусова В.А.* Об адекватной оценке результативности научной деятельности. С. 590.

- ²² Индекс цитирования – инструмент, а не цель. – URL: <http://www.ras.ru/news/shownews/aspx?id=e0587895-686-42af-9e4e-334071d0be06>. С. 5.
- ²³ Маркусова В.А., Иванов В.В., Варшавский А.Е. Библиометрические показатели российской науки и РАН. С. 485.
- ²⁴ Савинов Л.В. Российская политология и ее наукометрические показатели. С. 151.
- ²⁵ Варшавский А.Е., Иванов В.В., Маркусова В.А. Об адекватной оценке результативности научной деятельности. С. 592.
- ²⁶ Савинов Л.В. Российская политология и ее наукометрические показатели. С. 151.
- ²⁷ Маркусова В.А., Иванов В.В., Варшавский А.Е. Библиометрические показатели российской науки и РАН. С. 490.
- ²⁸ Варшавский А.Е., Иванов В.В., Маркусова В.А. Об адекватной оценке результативности научной деятельности. С. 593.
- ²⁹ URL: <http://blogs/strf.ru/blog/22.html> и <http://journal.spbu.ru/2009/13/4.shtml>
- ³⁰ Михайлов О.В. Критерии и параметры объективной оценки качества научной деятельности // Вестник РАН. 2011. № 7. С. 625.
- ³¹ Варшавский А.Е., Иванов В.В., Маркусова В.А. Об адекватной оценке результативности научной деятельности. С. 589.
- ³² Маркусова В.А., Иванов В.В., Варшавский А.Е. Библиометрические показатели российской науки и РАН. С. 485.
- ³³ Юревич А.В. К проблеме оценки вклада российской социогуманитарной науки в мировую. С. 620.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Индекс цитирования – инструмент, а не цель. – URL: <http://www.ras.ru/news/shownews/aspx?id=e0587895-686-42af-9e4e-334071d0be06>. С. 3.

REFERENCES

- Ivanov V.V., Markusova V.A., Varshavskiy A.E. Bibliometricheskiye pokazateli rossiyskoy nauki i RAN // Vestnik RAN. 2009. No. 6.
- Ivanov V.V., Markusova V.A., Varshavskiy A.E. Ob adekvatnoy otsenke rezul'tativnosti nauchnoy deyatel'nosti // Vestnik RAN. 2011. No. 7.
- Krylova I.A. Nevostrebovanost' nauki i problema modernizatsii Rossii // Sotsial'no-filosofskiy analiz modernizatsii: teorii, modeli, opyt. – Moscow, 2013.
- Mikhailov O.V. Kriterii i parametry objektivnoy otsenki kachestva nauchnoy deyatel'nosti // Vestnik RAN. 2011. No. 7.
- Rogov S.M. Rossiya dolzhna stat' nauchnoy sverkhderzhavoy // Vestnik RAN. 2010. No. 7.
- Savinov L.V. Rossiyskaya politologiya i yeyo naukometricheskiye pokazateli // Polis. 2012. No. 3.
- Yurevich A.V. K probleme otsenki vklada rossiyskoy sotsiogumanitarnoy nauki v mirovuyu. // Vestnik RAN. 2011. No. 7.
- Innovatsionnaya politika: Rossiya i mir. 2002 – 2010. – Moscow, 2011.
- Inteks tsitirovaniya – instrument a ne tsel'. Retrieved from <http://www.ras.ru/news/shownews/aspx?id=e0587895-686-42af-9e4e-334071d0be06>.

Аннотация

В статье анализируется проблема адекватности количественной оценки эффективности научной деятельности в России. Ставится вопрос об объективности показателей научной продуктивности (НП) на основе библиометрических данных: количества публикаций, индекса цитируемости, импакт-фактора (ИФ) научного журнала, индекса Хирша. Показаны причины недооценки вклада отечественной, в частности социогуманитарной, науки в мировую в базах данных (БД)

WOS и SCOPUS. Отмечены существующие недостатки российской базы данных РИНЦ. Сделан вывод о необходимости создания национальной базы данных научных публикаций и цитирования.

Ключевые слова: Россия, наука, социогуманитарная наука, библиометрические показатели, наукометрические показатели, количество публикаций, индекс цитирования, импакт-фактор, индекс Хирша, РИНЦ, национальная база данных.

Summary

The article analyzes the problem of whether quantitative evaluation of scientific efficiency is an adequate method in Russia. Questioning the objectivity of scientific efficiency indicators based on bibliometric data (number of publications, citation index, scientific journal impact-factor, and *h*-index) the article shows the reasons for underestimation of the contribution of the Russian science, socio-humanitarian science in particular, to world science in WOS and SCOPUS databases, and concludes that the current deficiencies of the Russian Science Citation Index national database call for the creation of a new national database of scientific publications and citing.

Keywords: Russia, science, socio-humanitarian science, bibliometric indicators, scientometric indices, number of publications, citation index, impact-factor, *h*-index, Russian Science Citation Index, national database.